

возможности для творческой мысли, природной сметливости¹. Они не лишены целого ряда недостатков, подчас лишь просто смешны, но глубоко симпатичны зрителю бескорыстием своих помыслов и действий, своей полной противоположностью миру мещан и нэпманов.

Появление большого количества сатирических произведений в кино и театре свидетельствовало не только о наличии контрастов в советской жизни, но и о зрелости советского искусства, которое в период решительного наступления социализма участвовало живо и непосредственно как в классовой борьбе, так и в создании новых человеческих взаимоотношений. Что касается чисто кинематографических средств, то комедия М. Булгакова несомненно кинематографична. Вот что говорит о кинематографичности спектакля Г. Д. Товстоногов. «Мне кажется, что режиссеру не нужно отказываться от «кинематографического» видения будущего спектакля . . . Ход наших мыслей должен зависеть не только от возможностей театра, но и от других смежных видов искусства, в первую очередь от литературы и кинематографа. Для себя я сформулировал это так: способ мышления — кинематографический, средства воплощения — театральные². Думаем, что это справедливо и для М. Булгакова, который в момент создания комедии выступал в трех ипостасях: драматурга, режиссера и актера. В целом пьеса делится на 15 монтажных кусков, неравного количества для каждого действия. Пьеса очень динамична, пружиной ее внешнего действия является тот факт, что инженеру-изобретателю, нуждающемуся в тишине и сосредоточенной работе постоянно мешают различные персонажи, которые его отвлекают.

I акт пьесы состоит, по нашему мнению, из шести монтажных частей: I — знакомство с положительным героем, II — приход жены, III — появление Ульяны, IV — кража у Шпака, V — часть более объемна, чем остальные — Бунша, вор и Тимофеев; сцена заканчивается удачей опыта и обменом героями, VI — короткая сценка — обокраденный Шпак у телефона. Все II действие представляет собой только четыре монтажных куска: I — царь Иван и Тимофеев, II — очень большой, составляющий единое целое — царь, Зинаида и Якин, III — царь и Ульяна, IV — царь предлагает Шпаку монету. Почти все последнее действие — I часть монтажа — палата царя Ивана, где находятся Бунша и вор. Для большей зрительной выразительности в кинематографическом решении этот кусок может перебиваться III и IV сценами, из II действия, чтобы показать параллельно, что делает хозяин царских палат в московской квартире³. Затем идет снова обмен героями и гибель аппарата изобретателя. Последняя часть — пробуждение Тимофеева с приходом жены. Зинаида, так сказать, обрамляет комедию. К этому следует добавить, что чудесное перенесение героев в отдаленную эпоху с помощью кинематографических средств оказалось бы более образным, чем в театре. При съемке граница между сном и реальностью почти стиралась бы (чего нельзя театраль-

¹ В. Шорохов, *Из пушек по воробьям*, «Театр», 1968 г., № 3, называет Тимофеева «типом настоящего ученого».

² «Театральная жизнь», 1958 г., № 2, стр. 19.

³ Вспомним оживление полузабытого приема разделения экрана на 2 части у С. Бондарчука в фильме *Война и мир*: Наташа говорит матери, а Болконский Пьеру — о своей любви.